

Юаньбао тут же повернулся и доложил вполголоса:

— Государыня, вас ищет премьер-министр, но этот раб заметил, что государыня, кажется, уже собиралась отдыхать, поэтому и проявил излишнюю самостоятельность. Прошу государыню наказать меня.

С этими словами он и впрямь опустился на колени, выглядя так, будто полностью отдаёт себя на милость хозяина.

У Сун Цы не было склонности наказывать людей, к тому же в данной ситуации евнух не сделал ничего дурного.

Поэтому он легонько взмахнул рукой и произнёс:

— Ничего страшного, поднимайся.

Затем он перевёл взгляд на Сун Чжипина и тихо сказал:

— Отец, проходите.

Сун Цы вместе с Сун Чжипином вошли в комнату, он усадил отца на стул, сам отыскал чашку и поставил её на столик рядом с гостем.

Завершив все эти приготовления, Сун Цы устроился напротив Сун Чжипина.

В течение нескольких мгновений он молча разглядывал собственного отца, а затем неторопливо произнёс:

— Отец пожаловал посреди ночи, смею спросить, какая срочная надобность заставила вас прийти обсудить это с сыном?

Слова эти звучали с двойным дном: ведь совсем недавно за обеденным столом Сун Чжипин велел Сун Яню немного отдохнуть, а теперь сам примчался сюда вести разговоры с Сун Цы.

Такая пощёчина собственным словам вышла поистине звучной!

Однако Сун Чжипин годами вращался в кругах чиновников, и кожа на его лице успела изрядно огрубеть. Столкнувшись с подобным упрямством от Сун Цы, он не выказал вообще никакой реакции.

Заметив серьёзное выражение на лице Сун Цы, Сун Чжипин не стал тратить слова попусту и

сразу перешёл к делу:

— Как император относится к тебе?

— Очень хорошо.

— ...

Он ещё долго вглядывался в лицо Сун Цы, словно пытаясь вычитать хоть что-то из его выражения, но в конце концов остался разочарован.

И всё же, не желая оставлять надежды, переспросил:

— Правда?

Сун Цы склонил голову набок и парировал вопросом:

— Отец думает, что сын обманывает вас?

Не то чтобы Сун Чжипин вовсе не хотел верить собственному сыну, но причины, по которым Чу Тяньхэ взял того в жёны, были ему прекрасно известны. Раз уж Сун Цы был заслан туда как лазутчик, с какой стати Чу Тяньхэ станет относиться к нему хорошо?

Если бы его не стёрли в порошок живьём, это уже можно было бы считать величайшей милостью со стороны императора, так разве можно отвечать на такое словом «хорошо»?

Но, судя по тому, как спокойно и безмятежно выглядел Сун Цы, лжи в его словах не усматривалось.

Тогда Сун Чжипин мгновенно повеселел и произнёс:

— Раз уж император доверяет тебе, ни в коем случае не подведи это доверие.

Если бы Сун Цы не читал оригинальный роман, он бы почти поверил, что Сун Чжипин действительно желает ему добра.

Мысленно усмехнувшись, Сун Цы отделался обтекаемой фразой:

— Слушаюсь, сын непременно будет должным образом относиться к императору.

Сун Чжипин украдкой оглянулся на дверь, убедившись, что Юаньбао стоит к ним спиной, после чего подался ближе к Сун Цы и заговорщицким тоном произнёс:

— Вещь, которую я велел тебе отыскать, нашёл?

В памяти Сун Цы промелькнули обрывочные кадры, и он вспомнил из первоисточника: задумавший мятеж Сун Чжипин хоть и занимал пост премьер-министра, не имел под своим началом реальной военной силы.

Именно поэтому он и выдал Сун Цы замуж во дворец, рассчитывая, что тот воспользуется случаем и похитит императорскую бирку.

В романе Сун Цы действительно справился с этой задачей, правда, отыскал её не без помощи самого Чу Тяньхэ. Пришедший из другого мира Сун Цы, разумеется, не был настолько глуп, чтобы тянуть тигра за усы.

Поразмыслив, Сун Цы покачал головой и ответил:

— Сын впервые во дворце и ещё не успел изучить здешние дороги, чтобы отыскать военную бирку, потребуется ещё какое-то время.

Сун Чжипин слегка разочаровался, тяжело вздохнул и похлопал Сун Цы по плечу:

— Отец понимает: отправляя тебя во дворец и заставляя выполнять мои поручения, я действительно поступаю с тобой несправедливо. Но сейчас мы уже натянули тетиву на луке, и пути назад нет.

— Сын понимает.

Услышав утвердительный ответ Сун Цы, Сун Чжипин снова воодушевился, и его голос заметно полегчал:

— Когда я стану хозяином Поднебесной, отец не станет чинить преград ничему, чего бы ты ни пожелал.

От столь грандиозных речей Сун Цы едва не рассмеялся. Этот его мнимый отец и впрямь возомнил, будто способен тягаться с Чу Тяньхэ?

В глазах Чу Тяньхэ они были не более чем поденными мошками, пытающимися сдвинуть огромное дерево, — самонадеянно и жалко.

И всё же, будучи отцом оригинала, Сун Цы не мог без слёз смотреть на то, как тот всё глубже увязает в пропасти. Поколебавшись мгновение, он произнёс:

— Отец, сейчас страна процветает и пребывает в мире, вы уже достигли поста премьер-министра — стоите выше всех подданных, уступая лишь одному человеку. Зачем вам ещё и претендовать на трон владыки Поднебесной? Неужели нельзя спокойно встретить старость и позволить государству насладиться ещё несколькими годами мирной жизни? Разве это плохо?

— Что ты смыслишь?! — внезапно сорвался на крик Сун Чжипин, в голосе его прорезалась жестокость. — Я ждал этого дня долгие годы, как я могу вот так просто отступить?!

— ...

Заметив, что Сун Цы молчит, Сун Чжипин шагнул вперёд и вцепился в него мёртвой хваткой:

— Ты что же, решил предать меня? Ради своего положения императрицы собрался предать собственного отца?!

— Отец, вы...

— Ах ты неблагодарный сын!

Не успел Сун Цы завершить объяснение, как отец прижал его к спинке стула, лишив возможности пошевелиться.

Стоявший снаружи Юаньбао неустанно прислушивался к тому, что происходило внутри. Услышав звуки ссоры, он без малейших колебаний распахнул дверь и как раз вовремя застал картину: Сун Чжипин прижимает Сун Цы к спинке кресла.

Юаньбао бросился вперёд, оттащил Сун Чжипина и произнёс недовольным, низким голосом:

— Прошу премьер-министра помнить о своём положении, государыня ныне принадлежит императору.

Сказав это, он почувствовал, как кто-то легко потянул его за край одежды.

Обернувшись, он встретился взглядом с покрасневшими глазами Сун Цы.

Тот тихо проговорил:

— Оставь.

И добавил напоследок:

— Чтобы об этом случае император не прознал.

Юаньбао промолчал.

Сун Чжипин же, словно внезапно очнувшись от дурного сна, бросил на Сун Цы один взгляд и поспешно удалился.

—

После ухода Сун Чжипина Сун Цы совсем лишился сил.

Взмахнув рукавом, он усталым, изнурённым голосом бросил:

— Я утомлён, ступай тоже.

— Слушаюсь.

—

Этой же ночью Чу Тяньхэ уже было известно обо всём, что произошло в резиденции премьер-министра.

Выслушав доклад, он холодно усмехнулся и обронил:

— А премьер-министр, похоже, совсем извелся от нетерпения.

Дон Хаосюань сидел неподалёку от него, а вставленная в волосы белоснежная нефритовая шпилька ярко и ослепительно блестела на свету.

Услышав это, он тоже улыбнулся:

— И впрямь нетерпелив. И когда же ты намерен с ними разделаться?

— Не спеши.

Произнеся это, Чу Тяньхэ против своей воли вспомнил другие подробности, о которых упомянул соглядатай: старый премьер-министр прижал Сун Цы к стулу, и причиной тому, судя

по всему, стало несогласие Сун Цы со стремлением отца захватить престол, из-за чего между ними и вспыхнул спор.

При мыслях об этом человеке у Чу Тяньхэ ёкнуло сердце.

Помимо насмешки над самонадеянностью Сун Чжипина, в груди поднялось какое-то странное, стесняющее дыхание чувство, похожее на жалость, от которого никак не удавалось избавиться.

Чу Тяньхэ всегда отличался ясным умом и неизменно шёл напролом перед лицом любых трудностей, но на сей раз он предпочёл не углубляться в эти раздумья. Торопливо допив чай, он повернулся и ушёл отдыхать.

Дон Хаосюань, продолжая сидеть на стуле, бросил вслед его удаляющейся фигуре:

— Разве не ты сам позвал меня чай дегустировать? С какой стати теперь сбегаете? Ты что, издеваетесь надо мной?

Чу Тяньхэ даже не обернулся, а брошенная им фраза всё так же сквозила издешкой:

— Ты ведь и так мой подданный — велю я прийти, являешься, велю уйти, удаляешься, с какой стати смеешь жаловаться?

— Жаловаться-то я не смею, но, Чу Тяньхэ, надеюсь, тебе довековечно не знать болезней. Иначе уж я устрою тебе весёлую жизнь!

Во всём белом свете найдётся разве что один Дон Хаосюань, кто смел разговаривать с Чу Тяньхэ подобным образом.

Многолетняя дружба давних товарищей давно переросла рамки отношений между правителем и слугой.

Правда, позднее появится ещё один человек, способный препираться с Чу Тяньхэ, и император будет находить бесконечное удовольствие в том, чтобы дразнить его, наслаждаясь тем, как смешно тот злится.

Но это уже совсем другая история.

—

Сун Цы выпался и, даже не притронувшись к утру, поспешно вышел за ворота.

Причина была проста: снаружи его кто-то ждал.

<http://bllate.org/book/22333/2339510>